

Вырезка из газеты

СОВЕТСКАЯ
КУЛЬТУРА

от -2 ФЕВ 1963

г. Москва

Газета №

РЕДАКЦИОННЫЙ ДНЕВНИК

ПОХИЩЕНИЕ ЛЕДИ МИЛЬФОРД

— ПРЕДСТАВЬТЕ СЕБЕ, взяли и похитили, — голос в телефонной трубке, отдаленный многими сотнями километров от Москвы, звучал иронично, с легким павучим акцентом. — Нет, нет, вы не ошибились: леди Мильфорд из трагедии Шиллера «Коварство и любовь»... Я не шучу — какие уж тут могут быть шутки... Позвоните в Душанбе, проверьте...

— Скажите, пожалуйста, кто у телефона?

— Это не столь важно. Зритель... Простите, у меня кончается время. До свидания. Так не забудьте поинтересоваться судьбой леди Мильфорд в Таджикском академическом театре драмы имени Лахути...

Откровенно говоря, мы усомнились в словах душанбинского зрителя, который не пожелал назвать свою фамилию. Но сказанное им все же решились проверить: не так уж часто в наши дни похищают героинь классических спектаклей! Созвонились с Душанбе, уточнили — и выяснили удивительные вещи.

В КОНЦЕ ДЕКАБРЯ прошлого года на сцене Таджикского академического драматического театра имени Лахути шла трагедия Фридриха Шиллера «Коварство и любовь». Это был второй или третий спектакль после премьеры. Артисты играли с воодушевлением. Зрители напряженно следили за горестной судьбой Луизы и Фердинанда. Леди Мильфорд, как и полагаются фаворитке герцога, властно диктовала свою волю юному герою. Короче говоря, ничто не предвещало чрезвычайного происшествия, не предусматривало пьесой великого немецкого поэта и драматурга.

И все-таки гром грянул! В разгар спектакля, где-то между вторым и третьим действием, к подъезду театра подъехала автомашина. Громко хлопнула дверцей, из машины вышел ответственный работник Министерства культуры Таджикистана. Грозный, как сам президент фон Вальтер, он прошел за кулисы и потребовал, чтобы ар-

тистка, исполнявшая в спектакле роль леди Мильфорд, переоделась и поехала вместе с ним на юбилейный концерт. (Читатели, не думая, не посетуют на нас, если мы не назовем имени актрисы, кстати, очень уважаемой и любимой в Таджикистане: она не так уж и виновата во всей этой нелепой истории).

К сожалению, теперь нелегко восстановить детали весьма примечательного разговора, происшедшего в тот вечер за кулисами театра. Но, по свидетельству очевидцев, он проходил примерно так:

— Какой концерт? — изумилась леди Мильфорд. — Разве вы не знаете, что мне предстоит еще играть добрую половину четвертого действия? Я должна встретиться с Луизой, передать гофмаршалу письмо, адресованное его высочеству герцогу...

— Никаких Луиз, никаких гофмаршалов! — приезжий говорил столь авторитетно и непреложно, словно читал очередное постановление коллеги Министерства культуры Таджикистана. — Сегодня вы должны выступать на очень ответственном концерте. Переоденьтесь...

— Но я же не могу бросить спектакль. В зале сидят зрители...

— Ничем не могу помочь. Я выполняю распоряжение министерства культуры...

Так или не так проходила беседа (возможно, мы передали ее не со стенографической точностью), но леди Мильфорд уезжали со спектакля. Уезжали, даже не поставив об этом в известность директора театра К. Рахматулаева.

«А как же зрители!» — вероятно, спросят читатели. — Как объяснили им непонятное исчезновение блистательной любовницы герцога?»

А никак! Сцены, которые «не доиграла» леди Мильфорд, просто-напросто выброси-

ли из спектакля. Кто-то из актеров, говорят, невесело пошутил при этом: «Наше счастье, что не похитили Фердинанда вместе с Луизой. Тогда хоть караул кричи!».

НЕ ДАШЕЕ как осенью прошлого года, выступая на республиканском совещании работников искусств, министр культуры Таджикистана А. Имамов с возмущением говорил о нарушениях производственной и творческой дисциплины во многих художественных коллективах. Дело доходило до курьезов. В Республиканском театре оперы и балета имени Айни, например, бывали случаи, когда участники исторических спектаклей появлялись перед зрителями в ультрасовременных прическах. А в Музыкально-драматическом театре имени Пушкина бывало и похуже: некоторые актеры вообще не считали нужным гримироваться перед выходом на сцену!.. И совершенно прав был министр культуры, когда расценил подобные факты как грубейшее нарушение законов творчества.

Но позвольте, а похищение леди Мильфорд во время спектакля, это что — детская шалость? Как могло Министерство культуры республики допустить такое безобразие в стенах своего единственного академического театра?

Рассказываю, что на глазах артистки, которую увели в тот вечер со спектакля «Коварство и любовь», были слезы. О чем же плакала леди Мильфорд?

Возможно, она подумала о том, как все-таки хорошо, неуважительно обошлись с ней — крупным мастером таджикской сцены, народной артисткой Советского Союза. Или пожалела оне зрителей, чью праздничную встречу с искусством безнадежно испортило чрезвычайное усердие некоторых министерских работников.

А может быть (это скорее всего), ей стало до слез обидно и горько за Искусство, с которым так бесцеремонно обращаются порой в Таджикистане.

ЖУРНАЛИСТ.